

ВЛІЯНІЕ НАРЪЗНАГО ОРУЖІЯ

НА

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ТАКТИКИ.

«Новое оружіе опасно только издали; оно не помъшаетъ штыку Французовъ, по прежнему, остается оружіемъ, страшнымъ для враговъ.» (Приказъ Наполеона III, въ Генуѣ.)

Тактика, какъ искусство выгоднѣйшаго употребленія на войнѣ правильно организованныхъ массъ, подвергалась частымъ измѣненіямъ. Такимъ образомъ, у Грековъ была одна тактика, у Римлянъ—другая, въ средніе вѣка явилась новая. Періоды Густава-Адольфа, Фридриха и Наполеона сопровождались рѣзкими преобразованіями въ ея области. Въ каждый изъ нихъ тактика носитъ на себѣ особый отпечатокъ и до такой степени измѣняется, что хотя между тактикою Густава-Адольфа, Фридриха и Наполеона и можно отыскать нѣсколько общихъ точекъ соприкосновенія, тѣмъ не менѣе, каждая изъ нихъ имѣетъ свою особую фizioномію, рѣзко отличающую ее отъ прочихъ.

Отчего же тактика подвергается столь частымъ измѣненіямъ и въ чемъ именно заключаются причины этихъ перемѣнъ? Причинъ этихъ много: начиная со случая до глубочайшихъ сооб-

раженій геніальныхъ людей, не выключая даже политическихъ условій, среди которыхъ совершается жизнь народовъ, все имѣло вліяніе на состояніе тактики. Между всѣми этими причинами, однако, первое мѣсто занимаютъ разнаго рода изобрѣтенія и усовершенствованія по технической части.

Такимъ образомъ, тактика всего чаще и всего рѣзче измѣнялась подъ вліяніемъ введенія огнестрѣльнаго оружія и всѣхъ совершившихся въ немъ улучшеній.

Отличительными чертами тактики до появленія огнестрѣльнаго оружія служатъ: исключительное значеніе холоднаго оружія; бой заключается въ рукопашномъ столкновеніи; отсюда построеніе въ глубокія массы, требовавшія для свободы въ движеніи и дѣйствіи поля сраженія открытаго и равнаго; управленіе войсками въ бою (то есть въ моментъ столкновенія) невозможно; разъ начатый бой прекращенъ быть не можетъ, по немѣнью средствъ къ тому, чтобы раздвинуть сражающихся; отсюда въ высшей степени рѣшительный и истребительный характеръ сраженій того времени, для одной стороны—полная побѣда, а для другой—совершенное пораженіе и истребленіе.

Введеніе въ употребленіе огнестрѣльнаго оружія произвело основный переворотъ въ тактикѣ, который выразился:

1) *Въ расширеніи предѣловъ боя.* Прежде бой заключался лишь только въ одномъ моментѣ, въ рукопашномъ столкновеніи; со введеніемъ же огнестрѣльнаго оружія, онъ раздѣлился на два существенно другъ отъ друга отличающіеся періода (періодъ огнестрѣльнаго дѣйствія, подготовленія успѣха атаки и періодъ самой атаки).

— По несовершенству перваго огнестрѣльнаго оружія, періодъ огнестрѣльнаго дѣйствія не могъ имѣть особеннаго значенія. Только по мѣрѣ улучшенія оружія и въ особенности въ настоящее время, со введеніемъ наръзнаго оружія, онъ долженъ сдѣлаться весьма упорнымъ и продолжительнымъ.

2) Раздвинувъ сражающихся на большее разстояніе и давъ имъ возможность поражать другъ друга издали, *огнестрѣльное оружіе допустило разумное управленіе войсками даже въ самомъ бою* (что, въ рукопашной схваткѣ, конечно, было невозможно), и дало, такимъ образомъ, перевѣсъ нравственнымъ силамъ надъ физическими

и 3) Огнестрѣльное оружіе, удерживая непріятеля на дальнемъ разстояніи, *сдѣлало возможнымъ отступленіе* изъ боя для стороны, потерпѣвшей уронъ.

Таковы были *ближайшія* послѣдствія введенія въ употребленіе огнестрѣльнаго оружія.

Къ *дальнѣйшимъ* относятся:

1) *Кавалерія начинаетъ утрачивать первостепенное значеніе въ арміяхъ; пѣхота*, какъ родъ войскъ, наиболѣе способный къ тому, чтобы воспользоваться выгодами новаго оружія, *выходитъ изъ забвенія и стремится постепенно къ занятію перваго мѣста* (*).

2) *Облегченіе вооруженія*. Тяжелое предохранительное оружіе, которымъ обременена была не только кавалерія, но даже и пѣхота, начинаетъ выходить изъ употребленія, такъ что въ послѣдствіи оно оставлено было только одной кавалеріи, и то не всей, да и притомъ было значительно облегчено и упрощено.

— Переворотъ этотъ, впрочемъ, совершился не вдругъ, и—что странно—при первомъ появленіи огнестрѣльнаго оружія, прѣжнее вооруженіе пѣхоты и кавалеріи не только не было облегчено, а, напротивъ того, предохранительное оружіе значительно умножилось. Его начали дѣлать болѣе прочнымъ, чтобы оно могло противостоятъ дѣйствию пуль; но когда убѣдились, что подобная мѣра оказалась недѣйствительною, что, несмотря на все утолщеніе латъ, они не могли предохранить отъ губительнаго дѣйствія непріятельскаго огня, и что, затѣмъ, они только обременяли солдата, лишая его свободнаго употребленія своихъ членовъ, тогда только предохранительное оружіе начало выходить изъ употребленія.

3) *Поле сраженія измѣнило свой прѣжній характеръ*. Мѣстные предметы (лѣса, селенія, овраги....), какъ дающіе возможность поражать изъ-за закрытій непріятеля, открыто подходящаго, приобрѣли первостепенную важность въ то время, какъ полемъ сраженія древнихъ была равнина.

— Это вліяніе огнестрѣльнаго оружія на измѣненіе характера

(*) Что весьма естественно: «L'homme a toujours été et sera toujours le grand et véritable instrument de la guerre», говоритъ Каррионъ-Низасъ. Только около половины XVIII столѣтія убѣдились, что пѣхота, по числу, должна составлять главный родъ войскъ.

поля сраженія проявилось довольно поздно. Даже въ XVIII столѣтїи оно было весьма слабо и обнаруживалось развѣ только въ дѣйствїяхъ легкой пѣхоты (австрійскихъ Кроатовъ, Пандуровъ и прусскихъ Фрей-баталіоновъ).

Фридрихъ Великій строго запрещалъ занимать или атаковать селенія. Вотъ какъ онъ по этому предмету говоритъ въ инструкціи своимъ генераламъ:

Стр. 111. «Всѣ селенія, находящіяся впереди фронта и на флангахъ арміи, я приказалъ бы сжечь....»

Стр. 109. «Атаки селеній, обыкновенно, сопровождаются столь сильными потерями, что я далъ себѣ слово, по возможности, избѣгать ихъ, развѣ крайность меня къ этому принудитъ, потому что при этомъ можно лишиться лучшей своей пѣхоты» (*den Kern seiner Infanterie verlieren*)» (*).

Только въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтїя, со введеніемъ разсыпнаго строя, это вліяніе огнестрѣльнаго оружія на характеръ поля сраженія получило большіе размѣры, а полное развитіе должно будетъ пріобрѣсти лишь только въ настоящее время, со введеніемъ нарѣзнаго оружія.

4) *Постепенное уменьшеніе глубины строя.*

— Въ этомъ отношеніи также вліяніе огнестрѣльнаго оружія проявилось не вдругъ. Такимъ образомъ, сначала пѣхота, для пальбы, строилась въ глубокія массы (даже до тридцати шереновъ). Подобная глубина находилась, въ то время, въ тѣсной зависимости съ состояніемъ тогдашняго ручнаго огнестрѣльнаго оружія. Заряжаніе производилось до того медленно (по показанію Валлгаузена, на 91 темпъ), что шеренга, выстрѣлившая и для заряжанія отошедшая въ хвостъ колонны, едва успѣвала зарядить мушкеты во время пальбы впереди стоящихъ 29 шереновъ. По мѣрѣ усовершенствованія огнестрѣльнаго оружія и ускоренія способа заряжанія его, глубина строя начала постепенно уменьшаться. Такимъ образомъ, въ началѣ Тридцатилѣтней войны, въ то время, какъ пѣхота всѣхъ европейскихъ армій строилась въ 10 шереновъ, Густавъ-Адольфъ уменьшилъ уже глубину строя въ пѣхотѣ до 6, а въ кавалеріи до 3. Вскорѣ послѣ заключенія Вестфальскаго мира, пѣхота начала строиться

(*) Griesheim. Vorlesungen über die Taktik, S. 520.

въ 4 шеренги. Фридрихъ Великій принялъ для пѣхоты—трехъ, а для кавалеріи—двухъ-шереножный строй.

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ усовершенствованій, сдѣланныхъ въ огнестрѣльномъ оружіи, глубина строя какъ въ пѣхотѣ, такъ и въ кавалеріи постепенно уменьшалась въ обѣихъ для того, чтобы уменьшить вредное вліяніе непріятельскаго огня, а въ первой также и для того, чтобы дать возможность большому числу людей принять участіе въ пальбѣ.

Сдѣлавъ *блѣзкій* обзоръ того вліянія, которое огнестрѣльное оружіе обнаружило на состояніе тактики, съ перваго своего появленія по настоящее время, замѣтимъ: 1) что измѣненія въ тактикѣ исполнялись не вдругъ, а что, напротивъ того, *каждый переворотъ въ ней совершался весьма медленно*. Да оно и вполне естественно: борьба новаго со старымъ всегда бываетъ болѣе или менѣе продолжительна. Одно уже испытано, пользуется всеобщимъ довѣріемъ и, въ глазахъ большинства, кажется совершеннымъ, въ то время, какъ другое встрѣчается, обыкновенно, сильнымъ недоувѣріемъ, и всѣ ждутъ сначала, чтобы опытъ оправдалъ пользу нововведенія (1). Такимъ образомъ (2), около 350 лѣтъ прошло со времени изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія, пока оно вошло во всеобщее употребленіе въ пѣхотѣ. Штыкъ, изобрѣтенный во Франціи въ 1640 году, оставленъ былъ Французами же безъ вниманія до 1692 года, когда, въ сраженіи при Штейнkirхѣ, французская пѣхота побросала пики и вооружилась ружьями со штыками, отбитыми у непріятеля, — слѣдовательно, болѣе 50 лѣтъ спустя послѣ изобрѣтенія штыка (3). Около 70 лѣтъ прошло со времени открытія Бертолета до повсемѣстнаго введенія въ употребленіе ударныхъ ружей, несмотря на очевидное ихъ преимущество передъ ружьями съ кремневымъ замкомъ (4).

(1) Введеніе нарізнаго оружія у насъ (послѣдняя война) и тактики колоннъ у Пруссаковъ (сраженіе при Іенѣ).

(2) Араго былъ однимъ изъ рѣшительныхъ противниковъ желѣзныхъ дорогъ («Тактика» Брандта, стр. 38. Примѣчаніе).

(3) Въ 1833 г., одинъ изъ весьма свѣдущихъ и дѣльныхъ офицеровъ, Мейеръ, высказалъ мнѣніе, что ни одна изъ армій не посмѣетъ ввести у себя ружей съ ударными замками («Тактика» Брандта. Стр. 38. Примѣчаніе).

(4) Ружье со штыкомъ и кремневымъ замкомъ было введено въ прусской пѣхотѣ въ 1689 г., а въ концѣ XVIII столѣтія—и въ пѣхотѣ всѣхъ прочихъ армій, исключая французской (1703 г.) и русской (1721) (Грисгеймъ, 34 и 36).

2) *Перевороты въ тактикѣ были не столько слѣдствіемъ умозрѣній и ученыхъ кабинетныхъ изслѣдованій, сколько дѣломъ войны и гениальныхъ полководцевъ.*

Не станемъ искать фактовъ въ подтвержденіе сказаннаго — военная исторія представляетъ ихъ множество — а укажемъ только на нескончаемый споръ о тонкомъ и глубокомъ строѣ, начатый въ первой половинѣ XVIII столѣтія и продолжавшійся почти до конца его безъ всякаго успѣха. Тактика оставалась въ прежнемъ положеніи, пока особыя обстоятельства, среди которыхъ находилась Франція въ періодъ революціонныхъ войнъ, и гений Наполеона не рѣшили этого вопроса въ пользу колоннъ.

Изъ всего вышеизложеннаго, выводимъ слѣдующія заключенія:

1) Тактика во всѣ времена рѣшала одинъ и тотъ же вопросъ о выгоднѣйшемъ употребленіи войскъ на войнѣ; но, отъ различія условій, среди которыхъ рѣшался этотъ вопросъ, рѣшеніе его выходило весьма разнообразно. Наибольшее вліяніе на результаты рѣшенія этого вопроса имѣло введеніе и постепенное усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія.

2) Измѣненія въ тактикѣ исполнялись не вдругъ, а, напротивъ, того, каждый переворотъ въ ней совершался весьма медленно.

3) Перевороты въ тактикѣ были менѣе слѣдствіемъ умозрѣній и ученыхъ кабинетныхъ изслѣдованій, чѣмъ дѣломъ войны и гениальныхъ полководцевъ.

Выводы эти, основанные на опытѣ минувшихъ переворотовъ въ тактикѣ, послужатъ намъ нѣкоторымъ указаніемъ къ изслѣдованію (а не къ рѣшенію) вопроса о вліяніи нарѣзнаго оружія на современное состояніе тактики.

Такимъ образомъ, приступая къ этому изслѣдованію, нельзя не сознаться, что нынѣшней тактикѣ, подъ вліяніемъ нарѣзнаго оружія (мѣткость, по мнѣнію Бонно де-Мартрей, увеличилась, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ, а дальность — въ пять), предстоитъ радикальное преобразование, вопреки мнѣнію генерала Жюмини (изложенному во второмъ прибавленіи къ «Précis de l'art de la guerre»), утверждающаго, что послѣднія усовершенствованія въ ручномъ огнестрѣльномъ оружіи не произведутъ значительнаго переворота — un changement notable, въ образѣ

веденія войскъ въ бою (*), что переворотъ этотъ, по всей вѣроятности, совершится не иначе, какъ медленно, и составитъ задачу будущихъ войскъ, которымъ, при посредствѣ гениальнаго полководца, подобнаго Фридриху или Наполеону, предстоитъ окончательное рѣшеніе этого вопроса. Что же касается до настоящаго времени, то всѣ усилія его должны быть направлены къ собранію и изслѣдованію матеріаловъ, облегчающихъ сближеніе настоящаго съ будущимъ, и *къ подготовленію, такимъ образомъ, рѣшенія этого столь труднаго вопроса.* Рѣшить же его теперь не только трудно, но даже невозможно. И, дѣйствительно, какимъ образомъ согласить мнѣнія, разнообразныя до безконечности? Одни считаютъ атаку крайне затруднительною, другіе—едва ли не просто невозможною; одни (большинство) полагаютъ будущія сраженія кровопролитнѣе прежнихъ, другіе—менѣе (Штейнле); третьи говорятъ, что все болѣе или менѣе останется по прежнему (Гроллманнъ); одни хотятъ разсыпать цѣлыя бригады и дивизіи, другіе возстаютъ рѣшительно противъ этого.... Спрашивается, какимъ образомъ, среди этого хаоса, примирить противорѣчащія другъ другу взгляды и привести ихъ къ единству? Какимъ образомъ побѣдить упорство и настойчивость закоснѣлыхъ приверженцевъ старины, которые въ каждомъ нововведеніи видятъ лишь только зло и считаютъ, на примѣръ, ученіе въ разсыпномъ строю, съ примѣненіемъ къ мѣстности, школою, приучающею войска къ разнаго рода беспорядкамъ, а время, употребленное на цѣльную стрѣльбу, потеряннымъ для ученій въ сомкнутомъ строѣ? Какъ остановить порывы пылкихъ головъ и фантазеровъ, бросающихся въ противоположную крайность, видящихъ спасеніе лишь только въ новомъ и попирающихъ, на этомъ основаніи, ногами все старое, не зная даже исполнѣ цѣны ему?

Если, впрочемъ, съ одной стороны, вопросъ о вліяніи нарѣзнаго оружія на современное состояніе тактики, въ настоящее время,—время переходнаго состоянія для нея, и не можетъ быть окончательно рѣшенъ, то, съ другой, *является возможность отчасти опредѣлить, чего именно въ ней предстоящія пре-*

(*) Rien n'y sera changé que le tout, какъ весьма остроумно замѣчаетъ авторъ брошюры «Observations relatives à la brochure de m-r le general Jomini». Berlin. 1858. P. 55.

образованія, вслѣдствіе введенія нарѣзнаго оружія, должны будутъ коснуться, и если не рѣшить вопросовъ, по поводу его возбужденныхъ, то, по крайней мѣрѣ, разобрать различные способы ихъ рѣшенія и указать именно на тотъ изъ нихъ, который болѣе всего могъ бы соответствовать настоящему, переходному времени.

Сознавая вполнѣ невозможность окончательнаго рѣшенія теперь вопроса о вліяніи нарѣзнаго оружія на современное состояніе тактики, мы считаемъ долгомъ, сверхъ того, замѣтить, что вопросъ этотъ до того обширенъ, что соединить изслѣдованіе о немъ въ одномъ цѣломъ мы почитаемъ если несовершенно невозможнымъ, то, по крайней мѣрѣ, неудобнымъ, потому что онъ представляетъ собою какъ бы сумму вопросовъ (какое вліяніе нарѣзное оружіе должно обнаружить на вооруженіе, обученіе войскъ, предпочтительное употребленіе того или другаго вида строя, того или другаго средства для пораженія непріятеля.....?), изъ которыхъ каждый требуетъ отдѣльнаго подробнаго анализа.

Только подобное тщательное изслѣдованіе вышеприведенныхъ вопросовъ, по нашему мнѣнію, можетъ привести къ болѣе или менѣе яснымъ выводамъ въ отношеніи того вліянія, которое нарѣзное оружіе должно будетъ обнаружить на современное состояніе тактики.

Руководствуясь вышеизложеннымъ взглядомъ, изслѣдованіе предложеннаго нами вопроса мы раздѣлили на IV отдѣла:

Въ I-мъ разсмотрѣно то вліяніе, которое нарѣзное оружіе должно будетъ обнаружить на тактику пѣхоты.

II-й заключаетъ въ себѣ разборъ того же вопроса въ отношеніи тактики кавалеріи и артиллеріи.

Въ III-мъ изслѣдовано вліяніе нарѣзнаго оружія на бой въ тѣсномъ смыслѣ (участіе, принимаемое различными родами войскъ въ бою) и въ обширномъ (характеръ будущихъ сраженій).

И IV-й — общій выводъ.

Вотъ цѣль, характеръ и система, принятая нами при изслѣдованіи вопроса о вліяніи нарѣзнаго оружія на современное состояніе тактики.

Въ заключеніе, считаемъ необходимымъ упомянуть, что, при разборѣ этого вопроса, мы не упустили случая воспользоваться

тѣми брошюрами, которыя появились въ западной Европѣ, въ періодъ съ 1854 — 1858 гг., но пользовались ими крайне осторожно, потому что большая часть изъ нихъ, даже всѣ онѣ, не чужды увлеченій и весьма рѣзкихъ выводовъ. Оно и весьма естественно, если принять въ соображеніе, что авторы ихъ основывали свои предположенія или на полномъ произволѣ, или на фактахъ, доставленныхъ Крымскою кампаніею, что, конечно, ошибочно, потому что *нарѣзному оружію никогда не удастся проявить столь рѣшительнаго вліянія на бой, какъ это было именно въ эту кампанію*. Извѣстно, что тотъ, кто первый употребитъ, на полѣ сраженія, новое средство, пріобрѣтаетъ громадныя выгоды. Такъ, на примѣръ, сраженіе при Мольвицѣ, уже на половину проигранное, выигрывается Пруссаками, благодаря желѣзнымъ шомполамъ, въ первый разъ ими употребленнымъ въ этомъ сраженіи, въ то время, какъ Австрійцы имѣли деревянные. Подобнымъ же образомъ и нарѣзное оружіе доставило значительныя преимущества союзникамъ въ Крыму, потому что другая сторона была вооружена гладкоствольнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не замѣтить, что съ той минуты, какъ это средство дѣлается общимъ во всѣхъ арміяхъ, его вліяніе начинаетъ проявляться уже въ гораздо меньшихъ размѣрахъ (*). Вотъ почему было бы весьма ошибочно по фактамъ Крымской кампаніи судить о вліяніи нарѣзнаго оружія на ходъ будущихъ сраженій. Такимъ образомъ, послѣ Мольвица, мы не знаемъ другаго сраженія, которое было бы выиграно, благодаря желѣзнымъ шомполамъ.

Къ числу слишкомъ рѣзкихъ заключеній новѣйшихъ воен-

(*) Чѣмъ объяснить успѣхи американскихъ ополченій противъ дисциплинированныхъ и превосходно обученныхъ всѣмъ утонченностямъ линейной тактики английскихъ и брауншвейгскихъ войскъ или французскихъ республиканскихъ ополченій въ періодъ революціонныхъ войнъ, какъ не новою тактикою. Съ того же времени, какъ она была принята и въ прочихъ арміяхъ, о перевѣсѣ, доставленномъ ею войскамъ, которыя первая ввели ее у себя, не могло быть болѣе рѣчи. По всей вѣроятности, имѣя эти обстоятельства въ виду, Наполеонъ I предполагалъ, что, для пріобрѣтенія рѣшительнаго перевѣса на полѣ сраженія, необходимо черезъ каждыя десять лѣтъ мѣнять тактику. Это мнѣніе Наполеона I осуществилъ Наполеонъ III въ Крымскую и послѣднюю Итальянскую кампаніи. Въ первую изъ нихъ онъ указываетъ на огнестрѣльное дѣйствіе, какъ на главное средство, а во вторую — на штыки.

ныхъ писателей относимъ мы предположенія, что будто бы оборона приобрѣла теперь столь рѣшительный перевѣсъ надъ атакою, что атака сдѣлается едва ли возможною, и что на этомъ основаніи впредь будутъ стараться избѣгать боя, а чаще прибѣгать къ маневрамъ или же искать предпочтительно оборонительнаго боя, что будущія сраженія будутъ отличаться страшнымъ кровопролитіемъ.... Въ своемъ мѣстѣ, мы постараемся доказать всю неосновательность подобныхъ доводовъ.

ОТДѢЛЪ I.

ВЛІЯНІЕ НАРѢЗНАГО ОРУЖІЯ НА ТАКТИКУ ПѢХОТЫ.

Выгоды, представляемыя нарѣзнымъ оружіемъ передъ гладкоствольнымъ въ отношеніи дальности и вѣрности выстрѣловъ (*), до такой степени очевидны, что вопросъ о вооруженіи всей пѣхоты въ европейскихъ арміяхъ окончательно рѣшенъ въ пользу нарѣзнаго оружія. *Англія* снабдила имъ всю свою армію и рѣшила ввести его даже во всѣхъ колоніальныхъ войскахъ. *Пруссія* передѣлала 300,000 гладкоствольныхъ ружей въ нарѣзные. *Во Австріи* черезъ два года вся пѣхота будетъ вооружена нарѣзнымъ оружіемъ. *У насъ* предположено вооружить всю пѣхоту нарѣзными ружьями 6-линейнаго калибра (винтовками), а не штуцерами, по большому удобству нарѣзныхъ ружей для рукопашнаго боя. Долѣ всего этотъ вопросъ оставался не рѣшеннымъ *во Франціи*; но и она рѣшила во всей пѣхотѣ гладкоствольное оружіе замѣнить нарѣзнымъ (предполагая пока

(*) До какой степени ничтожна была мѣткость при стрѣльбѣ изъ гладкоствольнаго оружія, видно изъ слѣдующихъ данныхъ: на 150 метр. (275 шаговъ) среднее уклоненіе равнялось 60 сантиметрамъ; на 150 метр. наибольшее — 1,70 метр.; на 400 метровъ (600 ш.) среднее уклоненіе—6,50 метрамъ; на 400 метр. наибольшее уклоненіе — 25 метрамъ, такъ что лучший стрѣлокъ не могъ поручиться, попадетъ ли онъ съ разстоянія 150 метровъ въ группу изъ двухъ кавалеристовъ или трехъ пѣхотинцевъ, а съ 400 метровъ — въ трехъ-этажный домъ.

нарѣзать гладкоствольныя ружья 7-линейнаго калибра; конечно, эта мѣра есть только переходная).

Несмотря на очевидныя преимущества нарѣзнаго оружія передъ гладкоствольнымъ, ему, однако, приписываютъ нѣкоторыя невыгоды, именно: 1) по болѣе сложному устройству своему, оно требуетъ болѣе тщательнаго съ нимъ обращенія (малѣйшее въ немъ поврежденіе уничтожаетъ главное его достоинство—мѣткость стрѣльбы), а для дѣйствія изъ него—особеннаго искусства; 2) допуская открытіе огня съ болѣе дальняго разстоянія, оно повлечетъ за собою скорѣйшую трату патроновъ ранѣе того времени, какъ непріятель подойдетъ на близкое разстояніе; 3) по болѣе тяжести пуль, солдатъ, вооруженный нарѣзнымъ оружіемъ, можетъ имѣть при себѣ не болѣе $\frac{2}{3}$ того количества патроновъ, которое онъ носилъ прежде (40 вмѣсто 60) въ сумѣ (*), и, наконецъ, нѣкоторые даже утверждали, что будто бы вѣрность стрѣльбы изъ гладкоствольныхъ ружей превосходить на близкомъ разстояніи вѣрность штуцернаго огня.

Не станемъ распространяться о выгодахъ нарѣзнаго оружія передъ гладкоствольнымъ — онѣ слишкомъ очевидны — но замѣтимъ, что введенія этого оружія во всей пѣхотѣ нашей требовали отчасти матеріальныя его достоинства, а всего болѣе его вліяніе въ нравственномъ отношеніи, потому что *ничто не можетъ быть столь вредно для успѣха въ бою, какъ убѣжденіе солдата, что его оружіе хуже непріятельскаго.*

Что же касается до неудобствъ, приписываемыхъ нарѣзному оружію, то первыя два устраняются тщательнымъ обученіемъ пѣхоты и внимательнымъ надзоромъ начальниковъ; третье же до такой степени важно, что мы намѣрены о немъ поговорить подробнѣ (**).

Нѣтъ сомнѣнія, что пѣхота, имѣющая по 40 патроновъ въ сумѣ, будетъ находиться въ весьма невыгодномъ положеніи въ бою противъ пѣхоты, имѣющей 60:

(*) Въсь сферической пули— $5\frac{1}{2}$ золотн., зарядъ для гладкоствольнаго ружья— $2\frac{1}{2}$ золотн. Въсь прежняго патрона—8 золотн., а 60 патроновъ—480—5 фунтамъ. Въсь конической пули— $11\frac{1}{2}$ золотн., зарядъ—1 золотн. (съ небольшимъ); въсь патрона $12\frac{1}{2}$ золотн., а 40 патроновъ—500 золотник.—5 фунт. (нѣсколько болѣе).

(**) Этими недостаткамъ нарѣзнаго оружія придавали сначала преувеличенное значеніе. Во вниманіе къ нимъ, нѣкоторые и предполагали первоначально вооружить нарѣзнымъ оружіемъ только часть пѣхоты, именно легкую.

1) Она поставлена будетъ въ большую зависимость отъ своихъ патронныхъ ящиковъ, парковъ и, вообще, отъ обозовъ (вслѣдствіе испорченныхъ дорогъ, обозы могутъ отстать, какъ въ 1815 г.; что было бы съ прусскою арміею при Линьи, если бы пѣхота ея имѣла не по 60, а по 40 патроновъ въ сумѣ?).

2) Чаше принуждена будетъ смѣнять свои войска и вводить, такимъ образомъ, большую часть массы войскъ въ бой, для достиженія одной и той же цѣли, что повлечетъ за собою преждевременное ослабленіе резерва. Что будетъ тогда съ основнымъ правиломъ тактики: «та сторона одерживаетъ верхъ, которая долѣе сохранить свой резервъ»?

Къ отвращенію этого весьма важнаго неудобства, служатъ: 1) усиленіе средствъ подвоза патроновъ, 2) увеличеніе числа патроновъ въ сумѣ и 3) уменьшеніе калибра ружей, вслѣдствіе уменьшенія вѣса пуля.

Первое средство, какъ служащее къ увеличенію обоза въ арміи, т. е. къ уменьшенію ея подвижности, и ставящее пѣхоту въ слишкомъ большую зависимость отъ патронныхъ ящиковъ и парковъ (*), и второе, какъ клонящееся къ обремененію и безъ того уже тяжело нагруженныхъ плечъ солдата, не удобны. Наболѣе выгоднымъ оказывается третье, соединяющее, вмѣстѣ съ тѣмъ, и другую выгоду—большую настильность выстрѣловъ, а слѣдовательно и большую ихъ дѣйствительность (**).

Дѣятельные опыты, производящіеся теперь повсюду надъ нарѣзными ружьями уменьшеннаго калибра, и введеніе ихъ въ большей части европейскихъ армій вполне подтверждаютъ наше предположеніе относительно рѣшенія разсматриваемаго вопроса. Такимъ образомъ, у насъ и въ Пруссіи вооружаютъ пѣхоту 6-линейными нарѣзными ружьями (вмѣсто прежнихъ 7), въ Австріи—

(*) Если въ Семилѣтнюю войну, вслѣдствіе принятаго способа продовольствія войскъ, военныя дѣйствія находились въ столь большой зависимости отъ повозокъ, тогда, когда все зависѣло отъ того, чтобы транспортъ не опоздалъ однимъ только днемъ, то что же было бы теперь, когда дѣло будетъ зависѣть отъ минутъ?

(**) Настильность выстрѣла есть лучшее ручательство въ его дѣйствительности. Продолговатая, тяжелая пуля имѣютъ столь крутую траекторію, что ошибка въ опредѣленіи разстоянія на 5 сажень дѣлаетъ выстрѣлъ не дѣйствительнымъ противъ цѣли въ 9,8 высоты, при стрѣльбѣ съ 375 сажень.

При семи-линейномъ калибрѣ, коническая пуля на разстояніи 1,200 шаговъ летитъ настильно только на 3 сажени, а на разстояніи 600 шаговъ—на 6 сажень.

5,5, въ Англіи—энфилдскими ружьями 5,77, а въ Швейцаріи—даже 4,1 (*).

Итакъ, важнѣйшій, по нашему мнѣнію, недостатокъ нарѣзнаго оружія вполне устраняется введеніемъ ружей уменьшеннаго калибра. Прежнее число патроновъ въ сумѣ пѣхотнаго солдата можетъ быть не только сохранено, но даже представляется возможность къ увеличенію его, что, впрочемъ, зависитъ отъ величины принятаго калибра. Не слѣдуетъ, однако, увлекаться этою мѣрою и не надо забывать, что уменьшеніе калибра имѣетъ свою разумную границу. Излишнее уменьшеніе калибра повлечетъ за собою значительное уменьшеніе вѣса пули, а слѣдовательно и уменьшеніе дальности выстрѣла и силы удара.

Что же касается до предположенія нѣкоторыхъ о преимуществѣ въ вѣрности стрѣльбы на близкихъ дистанціяхъ гладкоствольныхъ ружей передъ штуцерами, основанномъ, повидимому, на фактахъ (**), то оно оказалось совершенно ложнымъ, потому что слабость огня изъ штуцеровъ, на близкихъ дистанціяхъ, происходила не вслѣдствіе недостатковъ самаго оружія (нарѣзное оружіе на всѣхъ дистанціяхъ беретъ перевѣсъ надъ гладкоствольнымъ въ вѣрности пальбы (***)), а вслѣдствіе недостатковъ въ методѣ обученія стрѣльбѣ. У Французовъ начинали

(*) По опытамъ, произведеннымъ у насъ надъ швейцарскою пулею, она дала отличные результаты на разстояніяхъ до 600 шаговъ, но на 1,000 шаговъ уступала въ мѣткости штуцеру стрѣлковыхъ баталіоновъ, особенно при стрѣльбѣ въ вѣтряную погоду. («Справочн. кн.» 739.)

(**) При атакѣ Тарутинскимъ полкомъ укрѣпленія на Телеграфной горѣ (4 августа), защищаемаго Сардинцами, огонь послѣднихъ, будучи весьма силенъ на извѣстномъ разстояніи, потерялъ всякую дѣйствительность, при сближеніи съ неприятелемъ пули перелетали черезъ голову нашихъ солдатъ.

Офицеры наши, бывшіе въ цѣпи въ шкерманскомъ сраженіи, подтверждали то же самое.

При осадѣ Рима, французскіе стрѣлки, стрѣлявшіе изъ штуцеровъ превосходно на дальнихъ дистанціяхъ, побросали ихъ и обратились къ гладкоствольному оружію, когда имъ приходилось стрѣлять съ разстояній 75—80 метровъ.

(***) Изъ результатовъ опытовъ, произведенныхъ у насъ передъ принятіемъ пуль французскаго образца, и изъ сравнительныхъ опытовъ, произведенныхъ во французскихъ стрѣлковыхъ баталіонахъ, видно, что:

	Съ разстоянія	300	400	500	600
Изъ гладкоствольныхъ	попало	32	26	16	12
Изъ нарѣзнаго.	93%			80%

обучать стрѣльбѣ съ дистанцій въ 150 метровъ, пренебрегая совершенно стрѣльбою на близкихъ дистанціяхъ, на томъ основаніи, что тотъ, кто хорошо стрѣляетъ на дальнихъ дистанціяхъ, подавно будетъ стрѣлять вѣрно и на близкихъ. Взглядъ этотъ весьма ошибоченъ: обученію стрѣльбѣ изъ штуперовъ съ близкихъ дистанцій должно быть посвящено не меньшее вниманіе, какъ пальбѣ съ дальнихъ дистанцій, потому что продолговатыя пули, какъ выше и было замѣчено, имѣютъ весьма крутую траекторію; наибольшее превышеніе послѣдней надъ прицѣльной линіею, соответствующее дистанціи въ 75 метровъ, доходить до 40 сантиметровъ (около $\frac{3}{4}$ арш.). При стрѣльбѣ же изъ гладкоствольнаго оружія, вышеприведенный взглядъ совершенно справедливъ, потому что пули сферическія имѣли траекторію весьма пологую, наибольшее превышеніе которой надъ прицѣльной линіею, соответствующее дистанціи въ 50 метровъ, не превосходило 9 сантиметровъ — разница ничтожная, которая могла быть и не принимаема въ соображеніе.

Вопросъ о вооруженіи пѣхоты въ томъ видѣ, какъ онъ рѣшенъ въ настоящее время, не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что примѣръ Пруссіи относительно вооруженія пѣхоты ружьями, заряжающимися съ казенной части, вскорѣ долженъ найти послѣдователей и въ прочихъ европейскихъ арміяхъ. Выгоды этого оружія несомнѣнны (солдатъ можетъ сдѣлать 4 выстрѣла въ минуту). (*) Невыгода, ему приписываемая, что солдатъ въ бою выпуститъ всѣ свои патроны раньше, чѣмъ непріятель подойдетъ на близкое разстояніе, для котораго собственно подобнаго рода частая пальба и необходима (въ цѣпи, хотя бы люди и были вооружены ружьями, заряжающимися съ казенной части, столь частая пальба

(*) Такъ обыкновенно выражаются, говоря о скорости стрѣльбы изъ этого оружія. Это будетъ, однако, несправедливо, потому что четыре выстрѣла въ одну минуту можетъ сдѣлать солдатъ только при стрѣльбѣ съ близкихъ дистанцій, безъ прицѣла. Для опредѣленія же скорости пальбы съ дальнихъ разстояній, необходимо еще принять во вниманіе время, потребное на установку прицѣла. Полагая на это четверть минуты, при каждомъ выстрѣлѣ, выйдетъ, что скорость стрѣльбы, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, увеличится только до двухъ выстрѣловъ въ одну минуту, — и то выгода важная, потому что, при нынѣ принятомъ заряданіи, скорость пальбы (изъ разныхъ ружей) простирается на дальнихъ дистанціяхъ до одного выстрѣла въ минуту, а на близкихъ — одинъ выстрѣлъ въ три-четверти минуты.

не можетъ имѣть мѣста, вслѣдствіе времени, необходимаго на установку прицѣла), устраняется усиленіемъ средствъ къ подвозу патроновъ и тщательнымъ обученіемъ пѣхоты. Впрочемъ, неужели слѣдуетъ отказываться отъ превосходнаго оружія только потому, что оно допускаетъ злоупотребленія? Смѣемъ утвердительно сказать, что первая война, въ которой будетъ участвовать Пруссія, покажетъ все преимущество этого оружія и заставитъ ввести его въ прочихъ арміяхъ.

Главная причина, почему этого рода оружіе не введено до сихъ поръ въ пѣхотѣ большей части европейскихъ армій, заключалась въ неумѣнны приспособить казенную часть къ подобнаго рода заряданію. Всѣ механизмы, по настоящее время предложенные, отличались или сложностію, отчего оружіе скоро портилось, или, если они дѣлались проще, то терялось значительное количество газовъ, отчего утрачивалось полезное ихъ дѣйствіе и — мало того — образовывался весьма сильный нагаръ, вслѣдствіе чего заряданіе не ускорялось, а замедлялось (Карп. I. 16. 1859 г.). Предложенныя, въ послѣднее время, системы ружей, заряжающихся съ казенной части, Грюна и Росса вполне устраняютъ и этотъ недостатокъ. Механизмъ ихъ отличается удивительною простотою. У нихъ одна и та же основная идея, только нѣсколько иначе примѣненная къ дѣлу въ обѣихъ системахъ. Пальба производится двумя пулями, изъ которыхъ одна находится впереди, а другая — назади патрона. Давленіемъ газовъ на дно канала задняя пуля запираетъ герметически казенную часть, такъ что выходъ пороховыхъ газовъ, въ этой части ружья, вовсе не имѣетъ мѣста.

Введеніе ружей заряжающихся съ казенной части, будетъ имѣть весьма важное вліяніе на ходъ боя вообще и предпочтительно на второй періодъ его, когда обѣ стороны сойдутся на близкое разстояніе. Смертоносное дѣйствіе огня пѣхоты значительно увеличится. Главная выгода этого рода оружія, вообще, заключается *въ экономіи во времени* (въ возможности, въ кратчайшее время сравнительно съ нынѣ необходимымъ, достигнуть болѣе рѣшительныхъ результатовъ). Нѣкоторые, преувеличивая достоинства ружей, заряжающихся съ казенной части, полагаютъ даже, что введеніе этихъ ружей въ пѣхотѣ повлечетъ за собою не только экономію во времени, но и экономію въ людяхъ, какъ это и ви-

дно изъ выраженій, подобныхъ слѣдующему: «что тогда достаточно будетъ 25 стрѣлковъ тамъ, гдѣ теперь нужно 100». Съ этимъ согласиться трудно, потому что если мы вышлемъ только 25 стрѣлковъ, а непріятель вышлетъ 100, то и намъ придется въ подобныхъ же размѣрахъ усилить цѣпь, такъ что объ экономіи въ людяхъ, въ этомъ случаѣ, и рѣчи быть не можетъ.

(Продолженіе будетъ.)